

Modelling of Interference Processes in the Ukrainian Southern Bessarabia Dialects

Maryna Delyusto¹

Abstract: The article describes models of borrowings penetration in the Ukrainian Southern Bessarabia dialects spread in area between the Danube and the Dniester rivers. According borrowings from the Turkish language the author establishes such models as: the Turkish languages > the Bulgarian language > the Romanian language > the Ukrainian language; rarely – the Turkish languages > the Romanian language > the Ukrainian language; a modern model the Gagauz language > the Ukrainian language is also possible. According borrowings from the Bulgarian language the author establishes such models as: the Bulgarian language > the Romanian language > the Ukrainian language; the Bulgarian language > the Ukrainian language. Borrowings from the Romanian and Russian languages are mainly characterized by the direct penetration in the Ukrainian dialects according such models as: the Romanian literary language > the Ukrainian language; the Moldavian/Muntenian dialect of the Romanian language > the Ukrainian language; the Russian literary language > the Ukrainian language; the Lypovanian, Donskoy and other Russian dialects > the Ukrainian language.

Keywords: models of borrowings; interference; the Turkish languages; the Bulgarian language; the Romanian language; the Ukrainian dialects

Проблема взаимодействия языков – актуальная, разноплановая, сложная, не перестает привлекать внимание лингвистов, поскольку невозможно объективно описать картину развития любого языка без исследования влияния на его структуру других идиомов, без определения в ней роли заимствований (Hrytsenko, 2011, p. 6).

Современному языкознанию известны работы данной проблематики зарубежных (У. Вайнрайха, Г. Шухардта, А. Мартине, Л. Блумфилда и др.), и украинских (Л. Булаховского, Ю. Жлуктенко, С. Семчинского, А. Непокупного, Д. Будняка, Л. Ткач, С. Гриценко и др.) ученых. Однако, несмотря на постоянный интерес лингвистов, все еще дискуссионными остаются многие вопросы теории языкового взаимодействия. Например, вопрос квалификации самого явления – «смешение языков», «скрещивание языков», «взаимное влияние языков», «языковые контакты», «языковое взаимоотношение», «интерлингвистические контакты», ср. (Semchyns'kuj,

---

¹ PhD, Associate Professor, Izmail State University of Humanities, Ukraine, Address: Repina St, 12, Izmail, Odessa Region, Ukraine, 68601, Tel.: +38 (04841) 51388, Corresponding author: mdelyusto@ukr.net.

1988, p. 273), вопрос типологии взаимодействия языков (схемы Б. Серебренникова, А. Билецкого, С. Семчинского, Ю. Жлуктенко), вопрос факторов, обуславливающих появление заимствований (Ю. Сорокин, А. Мартине, С. Шаумян), определения и классификации заимствований (М. Орешкина, Д. Будняк, А. Иваницкая, С. Гриценко) и т. д.

Многолетнее наблюдение над генетически разнотипными новожильческими украинскими южнобессарабскими говорами (зафиксированы черты всех трех украинских наречий, с доминированием юго-восточной составляющей), развивающимися в условиях сложных, длительных, динамических языковых контактов, взаимодействующими с носителями румынского, болгарского, русского, гагаузского языков, подтолкнуло нас к исследованию результатов подобной интерференции, в частности к описанию возможных моделей проникновения лексических заимствований в эти украинские говоры. Поскольку справедливо отмечено, что именно лексический уровень является наиболее открытым для интерференционных процессов (Weinreich, 1979).

Отметим также, что, по мнению современных диалектологов, вопросы разграничения и уточнения источников, направлений заимствований в ареале между Дунаем и Днестром на территории Украины, их времени, участия литературных языков в процессе языкового контактирования, особенностей формирования ареальных интегралов, моделей семантических и формальных трансформаций в процессе взаимных заимствований, вопрос сохранения говора и его деструкции под влиянием контактного идиома требуют неотложного изучения (Kolesnyukov, 2018, p. 116).

Цель данной статьи – рассмотреть отдельные диалектные факты, подтверждающие наличие тех или иных моделей проникновения лексических заимствований в украинские южнобессарабские говоры.

Материалом для анализа послужили фонозаписи диалектной речи носителей украинских говоров ареала (2008–2018 гг.), непосредственные наблюдения, лексикографические и лингвогеографические источники.

Одной из основных моделей, обусловившей проникновение лексических заимствований в украинские южнобессарабские говоры стала модель проникновения тюркизмов по образцу: *тюркские языки (турецкий, татарский) > болгарский > румынский > украинский* (Kolesnyukov, 2018). В частности, об этом свидетельствует активность таких лексем в диалектной речи носителей украинских говоров, как: от тур. *harman* ‘молотба, ток’ (EDUL, v.1, p. 474) > болг. *арман, арман* ‘гарман; место во дворе, где молотили злаковые, сейчас и для переработки винограда на вино’, ‘огород’ (Kolesnyk, 2008, pp. 19–20; Barbolova, 1999, p. 117) > молд. *харман* ‘ток’ (RMS, 1990, p. 446) > укр. *гарман* ‘огород, приусадебный участок, где выращивают овощи и фрукты’ (Бр., Мих., Тат., Лим., НЦ, Кс., Саф., Мат.,

Пл., Ал., Км.), 'приусадебный участок вместе с подворьем' (Туз., Пш.), 'изгородь для вылова рыбы' (Лим., Пр.БД), 'место в поле, где просушивают и очищают зерно, ток' (Шв., Труд., Дес., Кил., Нк., Нер.) (SUGO, 2011, p. 49); от тур. *dolar* 'водяное колесо, оросительная машина' (EDUL, v.2, p. 143) > болг. *ду^лан, до^лан* 'деревянный шкаф, встроенный в стену для хранения продуктов', 'колесо в колодце для полива овощей', 'специальная поливальная машина' (Kolesnyk, 2001, p. 242, 2008, p. 84; Barbolova, 1999, p. 122) > рум. *dular* 'шкаф' (DRR, 2004, p. 525) > укр. *ду^лан* 'поливальная машина, водочерпалка' (Тат., Кс., Бр., Мат., Пш., Саф., Нер., Пр.БД), 'шкаф' (Башт., ЖЯ, Коч.), *ду^ланчик* 'тумбочка' (Moscalenko, 1958, p. 33; SUGO, 2011, pp. 73, 74) и т. д.

Отмечаем и возможность другой модели подобного заимствования: *тюркские языки* > *болгарский* > *украинский* (Kolesnykov, 2018), напр.: от тур. *arpacik şoğanı* 'мелкий лук для посадки' (букв. 'ячменчик-лук'), где *arpacik* уменьшительная форма от *arpa* 'ячмень' (EDUL, v.1, p. 471) > болг. *арпа^лджик, арпа^лджък, гарба^лджика* 'тс' (Kolesnyk, 2008, p. 20) > укр. *гарпа^лж'ика, гарба^лж'ийка* (Бр., Пш., Мат., Саф., Кс., Шв., Труд., Лим. Див.) 'так же' (SUGO, 2011, p. 49); от тур. *kavrutmuş* 'жареный, обжаренный', *kavurma* 'жаркое' > болг. *кавар^лма, кавър^лмъ, къвър^лмъ* 'так же' (Kolesnyk, 2001, p. 247), 'блюдо, приготовленное из жаренного мяса' (Kolesnyk, 2008, p. 120) > укр. *кавар^лма* 'обжаренное овечье мясо' (ЖЯ, Рб., Вып.), 'блюдо, приготовленное из обжаренного овечьего мяса и жира' (Тат., Див., Пр.БД, Чист., Вол., Нер., Лим.) (SUGO, 2011, p. 89).

Существует также модель *тюркские языки* > *румынский* > *украинский* (Kolesnykov, 2018): от тур. *mahalle* 'квартал, район (города)' (EDUL, v.3, p. 351) > рум. *mahala* 'окраина города, квартала', 'жители околицы, пригорода' (DRR, 2004, p. 587) > укр. *магала* (Пл., Тат., Нер., Шв., Труд., Дес., Бр., Саф., Мат., Кс.) 'общее название района села', 'количество людей – 15-20 чел.' (9, с. 49; SUGO, 2011, p. 122); от тур. *nohut* 'нут обыкновенный или бараний, *Cicer arietinum* L.' > рум. *năut, năhut* 'тс' (EDUL, v. 4, p. 119) > укр. *на^лут, на^лгут* (Пш., Кс., Саф., Шв., Труд, Кил.), *на^лвут* (Бр., Тат.), *на^лгут* (Мих.), *нут* (Нк., Бр., Пш.) 'тс' (SUGO, 2011, p. 132); от тур. *tirpan* 'серп, коса' > рум. *tîrpan* 'орудие, похожее на косу, для срезания камыша и конопли' (EDUL, v. 5, pp. 556–557) > укр. *те^лр^лпан* (Пш., Саф., Мат., Кс., Бр., Ол.) 'кусок заточенной косы, резак, которым косят камыш' (SUGO, 2011, p. 189; Moscalenko, 1958, p. 70), *тир^лпан* 'маленькая коса на укороченной рукоятке' (Тат., Коч., Нк., Мих., Кам.).

Не исключено, что сохранение и активность упомянутых выше заимствований из тюркских языков в некоторых украинских говорах ареала поддерживается и современной моделью *гагаузский* > *украинский*, сравните: гаг. *хар^лман* 'ток', 'время обмолота, сбора урожая' (GRMS, 1973, p. 514);

*арпа*жык ‘ячень в глазу’ (GRMS, 1973, p. 54), *до*лап ‘шкаф’, ‘водяное колесо’ (GRMS, 1973, p. 152), *кывыр*ма, *кыыр*ма ‘тс’, ‘плачинда, вертута’ (разновидность слоеного пирога из тонкого теста с творогом и сметаной или с брынзой) (GRMS, 1973, p. 314) и т. д.

Непосредственно, по модели *тюркские языки* > *украинский*, заимствовано множество топонимов, напр.: названия населенных пунктов – *Татарбунари*, *Аккерман*, *Акмангит*, *Мартаза*, *Карагмет*, *Гасан Аспага*, названия озер – *Алибей*, *Хаджидер*), рек – *Чага*, *Курудер*, *Таибунар*, *Алияга*, частей сел – *Желембет*) и т. д. Примечательно, что эти старые ойконими активно используются жителями региона для образования самоназваний, напр., *кара*мец’к’и (про жителей с. Шв.), *марта*з’ани (про жителей с. Рб.), *зодо*кар’ивц’и (про жителей с. Лим.), *га*санц’и (про жителей с. Пш.) (Kolesnykov, 2015, pp. 11, 198–199).

Проникновение лексических болгаризмов связываем с моделью *болгарский* > *румынский* > *украинский* и непосредственной – *болгарский* > *украинский*. Данный факт подтверждается наличием в исследуемых украинских говорах лексем: от болг. *вада* ‘канавочка на поливных огородах, по которой течет вода на грядки’ (Kolesnyk, 2008, p. 43) > рум. *vad* ‘русло реки, брод; гавань’ (EDUL, v.1, p. 318) > укр. *вада* ‘так же’ (SUGO, 2011, p. 34); от болг. *града*дина ‘сад, огород’, ‘место во дворе перед домом, где летом держат птицу’ (Kolesnyk, 2008, p. 66) > рум. *grădină* ‘так же’ (EDUL, v.1, p. 581) > укр. *града*дина, *гра*дина ‘поливной колхозный огород’, ‘огород около дома’, ‘виноградник’ (SUGO, 2011, p. 57); от болг. *пала*рийа, *пара*л’ийа, *пар*л’ийа ‘шляпа’, ‘шляпа с широкими полями’ ‘голова подсолнуха’ (Kolesnyk, 2001, p. 258; 2008, p. 206) > рум. *pălărie* ‘шляпа’ (EDUL, v.4, p. 260) > укр. *пара*л’ийа ‘мужская шляпа’ (Moscalenko, 1958, p. 55); от болг. *со*ба ‘печь стенная; комната’ ‘большая встроенная в летнюю кухню печь’, ‘печь во дворе для выпекания хлеба’ (Barbolova, 1999, p. 131) > рум. *sobă* ‘печь’ (EDUL, v.5, p. 339) > укр. *со*ба ‘печь, которая топится из сена’ (SUGO, 2011, p. 181; Moscalenko, 1958, p. 67); от болг. *че*пци, *ча*пци’и ‘туфли’ ‘мужская обувь (старая)’ (Kolesnyk, 2008, p. 334, 336) > укр. *че*пци’и, *че*пци’и ‘тс’ (EDUL, v.6, p. 296; Moscalenko, 1958, p. 75; SUGO, 2011, p. 208) и т. д.

Румынизмы, как и русизмы характеризует, прежде всего, непосредственное проникновение в украинские южнобессарабские говоры. В частности, по таким моделям: *румынский литературный язык* > *украинский*; *молдавский/мунтенский диалект румынского языка* > *украинский*, напр.: от рум. *strungă* ‘загон для дойки овец’ (DRR, 2004, p. 712) > укр. *ст*рунга ‘место в отаре, где доят овец’, ‘огороженное в поле место, где доят овец’ (НЦ, Пш., Саф., Кс.) (SUGO, 2011, p. 185; EDUL, v.5, p. 453); от рум. *zestre* ‘приданое’, ‘имущество’ (DRR, 2004, p. 757) > укр. *зест*ри(а), *зест*ри(а) (Скр., Бл., Тр.,

Вс., НЦ, Труд., Км., Гн. и др.) ‘так же’ (EDUL, v.2, p. 58; AUL, 2001, p. 174; SUGO, 2011, p. 68). Подробнее об этом см. (Delyusto, 2018).

Важное место в речи носителей украинских южнобессарабских говоров занимают и интерферемы из русского языка, заимствованные по таким моделям: *русский литературный язык > украинский* или *липованский (курско-орловский + донской) и другие диалекты/идиомы русского языка > украинский*. Анализ речи местных жителей и имеющихся лексикографических источников позволяет указать на следующие лексемы: /даже, дом, с’ічас, йесл’і, м’інула, год, нада, по’жалуйста, кол’хос, /каждойі, об’ично, старушки, ко’н’еино, по’с’олок, об’і’зат’ел’но, г’лавному ка’с’іром, рубл’і’ю, т’а’жолє поло’жен’і’є, втор’а бри’гада, долж’н’і, /бол’еіе м’ен’еіе, ха’роший руково’д’іт’ел’, у сл’едушч’у, при мо’йіі /жиз’н’і (Delyusto, 2016) и т. д.

Таким образом, южнобессарабский ареал – ценный и неиссякаемый источник исследования сложного процесса интерференции. Все смоделированные на основе предыдущих наблюдений типы проникновения лексических заимствований нашли подтверждение. Однако, считаем необходимым отметить, что, окончательные выводы касательно источников заимствования следует решать применительно к каждому украинскому говору ареала в отдельности, принимая во внимание индивидуальные характеристики языковых контактов: расположение по отношению к населенным пунктам с другим языковым составом, историю заселения пункта, его генетический и динамический тип и др. факторы.

References

- Barbolova, Z. (1999). The peculiarities of Bulgarian dialect spoken in the village Chervonoarmejskoye (Cubej), Bolgrad district, Odessa region, Ukraine/Особености на българския говор в с. Червоноармейское (Кубей), Болградски район, Одесска област в Украйна. Одеса: Астропринт. 151 с.
- Delyusto, M. (2016) *The Ukrainian Higher Danube dialect/Українська наддунайська говірка*. Ізмаїл: СМІЛ. 196 с.
- Delyusto, M. (2018). Romanian Borrowings in Dialects Spread Between the Danube and the Dniester rivers. *Journal of Danubian Studies and Research*, Vol. 8, no 2, Galati, pp. 150–159.
- Hrytsenko, S. (2011). *Lexical Latinisms in the Ukrainian texts the end of XVI–XVII centuries/Лексичні латинізми в українськомовних текстах кінця XVI–XVII століття*. Київ: Видавничо-поліграфічний центр «Київський університет». 367 с.
- Kolesnik, V.A. (2001). *Yevgenovka/Arsa/Onims. Dialect. Vocabulary/Евгеновка/Арса/Ономастика. Говор. Словарь*. Одесса: Гермес. 287 с.
- Kolesnyk, V.O. (2008). *The dialect of Bulgarians spoken in the village Crinichne (Chushmelij). Bessarabiya. Dictionary/Говорът на българите в с. Криничне (Чушмелий). Бессарабия. Речник*. Одеса: Астропринт. 376 с.

Kolesnykov, A. (2016). *Atlas of the Ukrainian dialects spread between the Danube and the Dniester rivers/Атлас українських говірок межиріччя Дністра і Дунаю*. Ізмаїл: ІРБІС. 168 с.

Kolesnykov, A. (2015) *The morphology of Ukrainian South-Bessarabia dialects: origin and dynamics/Морфологія українських південнобессарабських говірок: генеза і динаміка*. Ізмаїл: СМІЛ. 676 с.

Kolesnykov, A. (2018). *From the observations of borrowings in the Ukrainian Southern Bessarabia dialects/Із спостережень над запозиченнями в українських південнобессарабських говірках/Linguistic studies/Лінгвістичні студії*. Вип. 36. Вінниця. С. 116–121.

Moscalko, A. (1958). *The dictionary of Ukrainian dialects of Odessa region/Словник діалектизмів українських говірок Одеської області*. Одеса: Вид-во Одеського пед. ун-ту. 78 с.

Weinreich, U. (1979). *Language in contact. Finding and Problems/Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования* Киев: Изд-во при Киевском гос. ун-те изд. объедин. «Вища школа». 263 с.

List of sources

AUL (1984-2001). *Atlas of the Ukrainian language/Атлас української мови*. Київ: Наукова думка.

DRR (2004). *Dicționar rus-român, român-rus*. Ch.: F.E.- P. Tipogr. Centrală. p. 760.

EDUL (1982–2012) *Etymological Dictionary of Ukrainian Language/Етимологічний словник української мови*. Київ: Наукова думка.

GRMS (1973). *Gagauz-russian-moldavian dictionary/Гагаузско-русско-молдавский словарь*. Москва: Советская энциклопедия. 664 с.

RMS (1990). *Russian-Moldavian dictionary/Русско-молдавский словарь*. Кишинев: Главная редакция молдавской советской энциклопедии. 504 с.

SUGO (2011). *Dictionary of Ukrainian dialects of Odessa region/Словник українських говірок Одещини*. Одеса: Астропринт. 223 с.

Сокращения населенных пунктов

Белгород-Днестровский р-н: Вып. – Выпасное; Вол. – Вольное; Вм. – Великомарьяновка; Влад. – Владимировка; Крт. – Кругояровка; Мар. – Маразлиевка; Нк. – Николаевка; Мн. – Монаши; НЦ – Новая Царичанка; Пк.2 – Петровка; Пр.БД. – Приморское; Сем. – Семеновка; СЦ – Старая Царичанка; Ск. – Старокозачье; Уд. – Удобное; Чист. – Чистоводное; Шр. – Широкое.

Татарбунарский р-н: Тат. – г. Татарбунары; Башт. – Баштановка; ВБ – Веселая Балка; Див. – Дивизия; ЖЯ – Жолтый Яр; Коч. – Кочковатое; Лим. – Лиман; Нер. – Нерушай; Пр.Тат. – Приморское; Рб. – Рибальское; Рл.2 – Ройлянка; Спас. – Спасское; Стр. – Струмок; Тр. – Траповка; Тз. – Тузлы.

Саратский р-н: Введ. – Введенка; З. – Заря; КБ – Кривая Балка; Мих. – Михайловка; Мл. – Молодово; Пл. – Плахтиевка; Рл.1 – Райлянка; Яр. – Ярославка.

Арцизский р-н: Вш. – Вишняки; Км. – Камянское; Мп. – Мирнополе.

Тарутинский р-н: Бл. – Благодатное; Вс. – Высочанское; Гн. – Ганновка; Гн.2 – Ганновка Вторая; Ел. – Елизаветовка; Нкл. – Николаевка; Мл.2 – Малоярославец Второй; Ну. – Новоукраинка; Ал. – Александровка; Пк. – Петровка; Скр. – Скрывановка.

Килийский р-н: Вас. – Васильевка; Вл. – г. Вилково; Дес. – Десантное; Кил. – г. Килия; Труд. – Трудовое; Шв. – Шевченково.

Измаильский р-н: Бр. – Броска; Кал. – Каланчак; Кс. – Кислица; Мат. – Матроска; Пш. – Першотравневое; Саф. – Сафьяны.